

ПАПА, Я САМ

Как подготовить ребенка
к взрослой жизни,
не лишая его детства

ИЛЬЯ АРТЕМЬЕВ

Илья Артемьев

ПАП, Я сам

«Автор»

2026

Артемьев И.

ПАП, Я сам / И. Артемьев — «Автор», 2026

Мы хотим уберечь детей от ошибок: решаем за них проблемы, контролируем деньги, запрещаем опасное и стараемся сделать детство беззаботным. Но когда тогда ребёнок научится жить самостоятельно? Эта книга — взгляд отца, который решил использовать детство как безопасный полигон для взрослой жизни: давать детям настоящие деньги, разрешать заключать договоры друг с другом, ошибаться, спорить, проигрывать и рисковать — пока цена ошибки невелика, а рядом есть взрослый, который может подстраховать. Здесь нет идеальных детей, универсальных правил и обещаний вырастить «успешного человека». Есть реальные семейные ситуации, ошибки самого родителя и один главный вопрос: что ребёнок будет делать однажды, когда папы рядом не окажется? Потому что цель — не вырастить ребёнка, который всегда слушается. Цель — однажды услышать: «Пап, я сам».

© Артемьев И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Я не знаю, как правильно воспитывать детей	7
Глава 2. Право на дешёвую ошибку	11
Глава 3. Обещал — делай	15
Глава 4. Это его игрушки	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Илья Артемьев

ПАП, Я сам

Глава

ИЛЬЯ АРТЕМЬЕВ

ПАП, Я САМ

Как подготовить ребенка к взрослой жизни,

не лишая его детства

Авторская книга о самостоятельности, ответственности

и детстве как безопасном полигоне для жизни

Аннотация

Мы хотим уберечь детей от ошибок. Решаем за них проблемы, контролируем деньги, запрещаем опасное и стараемся сделать детство беззаботным.

Но когда тогда ребёнок научится жить самостоятельно?

Эта книга — взгляд отца, который решил использовать детство как безопасный полигон для взрослой жизни. Давать детям настоящие деньги. Разрешать заключать договоры друг с другом. Ошибаться, спорить, проигрывать, рисковать — пока цена ошибки невелика, а рядом есть взрослый, который может подстраховать.

Здесь нет идеальных детей, универсальных правил и обещаний вырастить «успешного человека». Есть реальные семейные ситуации, ошибки самого родителя и один главный вопрос: что ребёнок будет делать однажды, когда папы рядом не окажется?

Потому что цель — не вырастить ребёнка, который всегда слушается.

Цель — однажды услышать: «Пап, я сам».

Текст отражает личный родительский опыт и авторский взгляд. Это не медицинское, юридическое или психологическое руководство.

Оглавление

1. Я не знаю, как правильно воспитывать детей
2. Право на дешёвую ошибку
3. Обещал — делай
4. Это его игрушки
5. Мы живём вместе
6. Лучше залезть на дерево вместе
7. Когда никто не отбирает конфету
8. Учитель тоже может ошибаться
9. Не всё можно починить
10. Мы в одной лодке
11. Почему победил не самый лучший
12. Бабушка, подарок ужасный
13. Папа, я сам
14. Расскажи мне всё
15. Начни с себя

16. Не спеши спасать
17. Он имеет право расстроиться
18. Я видел
19. Тебе уже не четыре
20. Когда меня не будет рядом

Глава 1. Я не знаю, как правильно воспитывать детей

...

Я не знаю, как правильно воспитывать детей.

Серьёзно.

Если вы купили эту книгу в надежде найти здесь человека, который сейчас расскажет вам десять правил идеального родителя, — можете закрывать. Я не психолог. Не педагог. У меня нет секретной методики, после которой ребёнок в семь лет сам убирает комнату, ест брокколи, выключает планшет ровно в восемь вечера и благодарит родителей за прекрасное детство.

У меня просто есть дети. И я довольно давно пытаюсь понять, что, собственно, я должен с ними делать. Когда рождается ребёнок, происходит довольно странная вещь. Тебе в руки дают маленького человека, который ничего не умеет. Он не умеет ходить. Не умеет говорить. Не умеет обращаться с деньгами. Не понимает, почему нельзя совать пальцы в розетку. Не знает, что незнакомый дядя может врать. Не умеет проигрывать, спорить, выбирать друзей, выполнять обещания, распоряжаться собственностью и отличать хороший договор от ужасного.

А потом проходит примерно восемнадцать лет — и от тебя ожидают, что этот человек каким-то образом научился жить самостоятельно. Причём инструкции к нему почему-то не прилагается. Зато советчиков — огромное количество.

— Не давай ему столько сладкого!

— Ограничь компьютер!

— Забери телефон!

— Заставь поделиться!

— Он должен слушаться взрослых!

— Не позволяй ему туда лезть, он упадёт!

— Ты отец, просто запрети!

И вот последнее мне всегда казалось особенно странным. Допустим, мой ребёнок хочет залезть на дерево.

Высоко.

Я вижу это дерево и понимаю: да, оттуда действительно можно навернуться. Самое простое родительское решение:

— Нет. Нельзя.

Что я ожидаю после этих слов? Что желание ребёнка залезть на дерево исчезнет?

Нет.

Он всё ещё хочет туда залезть. Только теперь он знает ещё одну вещь: делать это при папе нельзя. Значит, в следующий раз он полезет туда без меня. И ситуация стала не безопаснее. Она стала гораздо опаснее.

Теперь он лезет и одновременно смотрит, не иду ли я. Если он сорвётся, меня рядом вообще может не оказаться.

Отлично сработал запрет.

Поэтому я предпочитаю другое:

— Хочешь залезть? Давай посмотрим.

Я подойду. Посмотрю на дерево. Посмотрю, куда он собирается поставить ногу. Может быть, скажу:

— Вот сюда не наступай, ветка ненадёжная.

Может быть, встану снизу.

А может быть, посмотрю и скажу:

— Нет, сынок. Вот это уже совсем плохая идея. Давай придумаем другой способ.

Я хочу, чтобы мои дети знали одну очень важную вещь: Если вам хочется сделать какую-нибудь дичь — сначала расскажите папе. Не потому, что папа обязательно разрешит. А потому, что папа хотя бы поможет сделать так, чтобы вы не убились.

И мне кажется, это гораздо полезнее, чем воспитать ребёнка, который прекрасно знает, что при родителях делать нельзя, но понятия не имеет, как поступать, когда родителей рядом нет. Наверное, отсюда и вырос почти весь мой подход к воспитанию.

Я не хочу вырастить послушного ребёнка. Послушный ребёнок — очень удобная штука. Сказал:

— Нельзя.

Он ответил:

— Хорошо, папа.

Красота.

Только мне совершенно не нужен послушный сорокалетний мужчина. Мне нужен человек, который однажды сможет посмотреть на меня и сказать:

— Пап, по-моему, ты сейчас неправ.

А потом объяснить почему.

И, возможно, окажется прав.

Недавно у нас был примерно такой разговор. Мы с Максимом спорили. Я был уверен в своей позиции. Потом полез читать и обнаружил, что неправ. Утром подошёл:

— Макс, прикинь, ты был прав. Оказывается, вот так.

Фига.

Не знал.

И мне совершенно не стыдно. Что-то не знать не стыдно. Не знать и даже не попытаться узнать — вот это уже стыдно. Я хочу, чтобы ребёнок видел это и у меня.

Папа может ошибаться.

Учитель может ошибаться.

Бабушка может ошибаться.

Книга может ошибаться.

Сам Максим может ошибаться.

Вопрос не в том, ошибёшься ли ты. Конечно ошибёшься. Вопрос — что ты сделаешь после того, как это поймёшь. Когда-то Максим разбил что-нибудь дома. Например, люстру.

И не признался.

Сразу — не признался.

Испугался, что будут ругать, решил промолчать. А потом всё-таки пришёл и рассказал. И вот для меня здесь гораздо интереснее не сама разбитая люстра. Люстра уже разбита. Назад её не склеишь. Мне интересно, что ребёнок сделал после того, как понял, что натворил.

Да, он испугался рассказать папе. Хорошо. Я могу это понять. Но он видел, что на полу лежат острые осколки.

Предупредил Лизу?

Сказал ей:

— Не ходи туда, там стекло?

Предупредил остальных?

Позвал взрослого, не обязательно даже признаваясь сразу:

— Там стекло разбилось, осторожно?

Потому что одно дело — испугаться наказания. Страх вообще не всегда получается контролировать. И совсем другое — из-за собственного страха позволить другому человеку наступить босой ногой на стекло. Самому собирать острые осколки я от ребёнка не требую. Наоборот, если разбилось стекло, лучше позвать взрослого. Даже если для этого придётся признаться в том, что произошло.

Но если ребёнок пока настолько боится, что не может признаться мне, он всё равно обязан предупредить тех, кому может угрожать опасность. А потом желательно всё-таки прийти.

Пусть не сразу.

Через пять минут. Через полчаса. Когда соберётся с духом.

— Пап, это я разбил.

И вот здесь для меня очень важно не встретить это словами:

— АГА! ПОПАЛСЯ!

Потому что тогда какой урок я ему преподам? В следующий раз признаваться нельзя. Нет. Я могу быть недоволен тем, что он сделал. Могу отдельно поговорить о том, почему он сразу промолчал. Но сам момент, когда ребёнок после страха всё-таки приходит и говорит правду, для меня ценен.

Потому что я хочу закрепить другую мысль: Ты можешь испугаться. Ты можешь не признаться сразу. Но у тебя всегда остаётся возможность вернуться и сказать правду. Мне гораздо важнее ребёнок, который через полчаса пришёл и признался, чем ребёнок, который научился идеально замечать следы.

И особенно важно, чтобы собственный страх никогда не становился причиной опасности для других.

Разбил — предупреди.

Накосячил — подумай, кому от этого может стать плохо. Побоялся признаться сразу — соберись и признайся потом. Потому что сама люстра для меня в этой истории — самая неважная вещь. Мне важнее, каким человеком Максим окажется после того, как люстра уже разбилась.

Я вообще считаю, что детство — прекрасное время для ошибок.

Наверное, лучшее.

Потому что ошибки пока дешёвые. Купить какую-нибудь ерунду за 250 рублей и через день понять, что она тебе совершенно не нужна, — прекрасная ошибка.

Да, жалко денег.

Можно сесть рядом с ребёнком, налить себе и ему молока и вместе погрузиться. Я даже могу рассказать, какую фигню когда-то купил сам. Но 250 рублей — это очень маленькая цена за мысль:

«Перед покупкой надо думать».

Пускай эта мысль появится сейчас. Потому что через двадцать лет следующая ненужная покупка может стоить 250 тысяч рублей. И я уже не смогу сесть рядом, налить молока и решить проблему. В этом, наверное, и заключается главная мысль этой книги.

Я не пытаюсь сделать жизнь своих детей идеальной. Не пытаюсь убрать из неё все ошибки. Не собираюсь принимать за них каждое решение.

Наоборот.

Я хочу постепенно отдавать им их жизнь.

Сначала маленькими кусочками.

Вот тебе игрушка. Она твоя. Решай, делиться или нет. Вот тебе деньги. Они твои. Можешь купить ерунду. Я предупрежу, но запрещать не буду. Вот тебе обещание. Теперь учись его выполнять. Вот договор. Читай, прежде чем соглашаться.

Вот конфликт. Попробуйте сначала договориться сами. Вот человек, который тобой манипулирует. Я могу рассказать, что вижу, но думать придётся тебе.

Вот ошибка.

Теперь разбирайся, что с ней делать.

А я пока рядом.

Если станет действительно опасно — вмешаюсь. Если попросишь помощи — помогу. Если не знаешь — попробуем разобраться вместе. Если на тебя наедут — я буду твоим адвокатом. Но для этого ты должен рассказать мне правду.

А если неправ окажусь я — надеюсь, у меня хватит ума сказать:

— Сынок, прикинь. Ты был прав.

Потому что моя задача — не вырастить ребёнка, который умеет жить со мной. Моя задача — вырастить человека, который сможет нормально жить, когда меня рядом уже не будет. Наверное, поэтому мне и хочется начинать всё это сейчас. Пока ошибки маленькие, рядом есть родители и почти любую ситуацию можно спокойно разобрать вечером за столом. Во взрослой жизни те же уроки стоят намного дороже. Детство в этом смысле — редкая возможность попробовать, ошибиться и получить помощь раньше, чем цена ошибки станет настоящим большим.

Глава 2. Право на дешёвую ошибку

...

Одна из самых сложных вещей в воспитании — смотреть, как твой ребёнок собирается сделать какую-то фигню, прекрасно понимать, что это фигня, и всё равно позволить ему её сделать. Потому что ты уже знаешь, чем всё закончится.

Например, ребёнок вдруг решил попробовать землю. Первая реакция взрослого:

— Нет, нельзя! Она невкусная!

Но пока для ребёнка это всего лишь **папино мнение**. Папа сказал, что земля невкусная. А откуда папа это знает? Скорее всего, потому что когда-то сам попробовал.

Если ситуация безопасна, иногда проще дать ребёнку получить собственный опыт. Попробовал, скривился:

— Фу, невкусно!

И здесь происходит ещё одна важная вещь. Ребёнок не просто узнал, какая земля на вкус. Он проверил слова папы и убедился: **папа сказал правду**.

Потом будет другой безопасный эксперимент. Папа снова что-то объяснит, ребёнок поверит — снова окажется правдой. И постепенно накапливается доверие к словам взрослого.

Поэтому однажды, когда проверить самому уже будет опасно, а папа скажет:

— Вот этого не делай. Здесь действительно можно сильно пострадать,

у ребёнка будет причина прислушаться. Не просто потому, что «папа главный», а потому, что за предыдущие годы он много раз проверял его слова и знает: **если папа предупреждает и объясняет почему, скорее всего, к этому стоит отнестись серьёзно**.

Пример номер 2:

Ребёнок стоит в магазине с 250 рублями, которые копил месяц. В руках у него какая-то совершенно бесполезная штука. Ты смотришь на неё и понимаешь: через два дня она будет валяться под кроватью.

— Макс, ты точно хочешь это купить?

— Да.

— Ты понимаешь, что потратишь все деньги?

— Да.

— Может, ещё подумаешь?

— Нет. Я хочу.

Вот тут очень хочется сказать:

— Нет. Я тебе не разрешаю.

Всё-таки я взрослый. Я лучше знаю. Я уже совершил примерно сто таких покупок и прекрасно понимаю, чем закончится сто первая.

Но тогда возникает вопрос.

А когда он научится?

Когда ему будет восемнадцать?

Когда вместо 250 рублей у него на карте будет 25 тысяч? Когда он возьмёт первый кредит?

Мне гораздо дешевле позволить ему ошибиться сейчас. Поэтому:

— Хорошо. Деньги твои. Покупай.

Через несколько дней:

— Пап, она мне вообще не нравится.

Ну да.

Я примерно этого и ожидал. Но я не хочу стоять рядом с довольной рожей и говорить:

— А Я ТЕБЕ ГОВОРИЛ!

Он и без меня уже понял. Ему сейчас и так хреново. Он месяц копил деньги и потратил их на ерунду. Можно сесть вместе за стол.

Налить молока.

— Обидно?

— Да.

— Очень?

— Очень.

— Понимаю. Я тоже однажды такую фигню купил...

И рассказать свою историю.

Не надо спасать его от последствий. Не надо возвращать ему 250 рублей со словами:

— Ну ладно, ты же ребёнок.

Потому что тогда урок исчезнет. Но и добивать его не надо. Ошибка уже наказала его сама. Ему не нужен сверху ещё и злорадствующий папа. Ему нужен человек, который поможет понять, что произошло. Мне вообще нравится идея дешёвых ошибок.

Детство — уникальный период, когда большинство ошибок стоят очень мало.

Потерял игрушку.

Потратил 250 рублей.

Получил двойку.

Поспорил с другом.

Заклучил ужасный договор с сестрой. Пообещал что-то, не подумав, и теперь приходится выполнять.

Неприятно?

Конечно.

Но это почти ничего не стоит по сравнению с теми же ошибками во взрослой жизни. Потому что потом потерянная игрушка превратится в потерянный телефон. 250 рублей — в 250 тысяч. Плохой договор с сестрой — в настоящий контракт.

А «я обещал, но передумал» однажды может стоить отношений с человеком. Поэтому мне кажется странным стремление родителей убрать из детства как можно больше ошибок.

Я хочу наоборот.

Пока я рядом, ошибайся.

Я подстрахую там, где ошибка действительно может стать опасной. Но если максимум, что тебе грозит, — потерять деньги, расстроиться или несколько дней пожалеть о своём решении, возможно, это прекрасная цена за обучение. При этом есть важная граница.

Право на ошибку не означает, что я должен молча смотреть на любую глупость.

Я предупрежу.

Обязательно.

— Лиз, мне кажется, это очень плохая покупка.

— Почему?

И объясню.

Не:

— Потому что я сказал.

А:

— Смотри. У тебя 250 рублей. Ты копила их месяц. Эта игрушка стоит все твои деньги. Ты поиграла с похожей у подруги десять минут и бросила. Может случиться так, что завтра она тебе надоест. Ты готова потерять месяц накоплений?

Пускай думает.

Если после этого говорит:

— Да.

Хорошо.

Покупай.

Я свою работу выполнил.

Я дал ей информацию, которой у неё могло не быть. Но решение осталось за ней. Потому что иначе получится очень странная система. Пока ребёнку четыре года, я решаю за него.

Потом семь — решаю.

Десять — решаю.

Четырнадцать — решаю.

Семнадцать лет и одиннадцать месяцев — всё ещё решаю. А потом ему исполняется восемнадцать:

— Всё, сынок. Теперь ты взрослый. Принимай решения самостоятельно.

С чего вдруг?

Он этому никогда не учился. Вчера за него решал папа, а сегодня почему-то должен появиться взрослый человек, способный оценивать риски и последствия.

Так не бывает.

Самостоятельность нельзя подарить на восемнадцатилетие.

Её нужно передавать постепенно.

Иногда последствия затрагивают не только ребёнка. Допустим, Максим по неосторожности разбил окно.

Окно нужно менять.

И здесь мне не очень нравится идея:

— Ты разбил — ты и плати.

Потому что мы всё-таки семья. Если ребёнок разбил окно случайно, это проблема всей семьи. Нам всем теперь нужно найти деньги на новое окно. Значит, возможно, ближайшие две недели у нас не будет сладкого или какой-нибудь другой необязательной покупки.

И тут Лиза совершенно справедливо может спросить:

— А я-то при чём?!

Прекрасный вопрос.

Я тоже при чём?

Мама при чём?

Мы тоже окно не разбивали.

Но мы живём вместе.

Сегодня Максим совершил ошибку, которая ударила по общему бюджету.

Завтра ошибётся Лиза.

Послезавтра — я.

И мне бы очень не хотелось жить в семье, где после моей ошибки все остальные становятся прокурорами и кричат:

— Это твоя проблема!

Мы одна семья.

Значит, некоторые последствия тоже переживаем вместе. Но это не означает, что тот, кто создал проблему, может спокойно отойти в сторону. Если Максим говорит:

— Пап, у меня есть 400 рублей. Давай я отдам их на окно.

Вот это уже интересно.

Он пытается исправить ситуацию.

И я обязательно покажу это Лизе:

— Смотри. Да, Максим ошибся. Но он сейчас делает всё, что может, чтобы уменьшить последствия своей ошибки. Благодаря его 400 рублям, возможно, без сладкого мы будем не две недели, а одну. Поэтому не надо сейчас его добивать. Когда-нибудь ошибёшься ты, и тебе тоже понадобится, чтобы семья была рядом.

Вообще возможность исправить ошибку — огромная ценность. Если разбил — можно починить. Если испачкал — можно помыть. Если потратил деньги — можно снова накопить. Если обидел — иногда можно извиниться. Но есть вещи, которые исправить невозможно.

И это тоже нужно понимать. Иногда можно очень искренне пожалеть о поступке, но нельзя сделать так, будто его никогда не было.

Можно извиниться.

Можно попытаться компенсировать ущерб.

Можно изменить своё поведение.

Но нельзя потребовать:

— Я же извинился. Теперь всё должно стать как раньше.

Не должно.

У другого человека тоже есть право на последствия твоего поступка. И, наверное, это одна из самых неприятных частей взросления. Не за каждую ошибку существует кнопка «отменить». Поэтому я не хочу учить детей никогда не ошибаться.

Это всё равно невозможно.

Я хочу научить другому:

Думай перед решением.

Если можешь — оцени последствия. Если ошибся — не прячься. Если можно исправить — исправляй. Если исправить нельзя — прими последствия и запомни урок. И самое главное: Не бойся ошибиться настолько, чтобы вообще перестать что-либо делать.

Потому что человек, который никогда не ошибается, скорее всего, просто ничего не решает самостоятельно. А моя задача совершенно другая. Я хочу, чтобы мои дети учились принимать решения сейчас — пока цена неправильного решения составляет 250 рублей, разбитую люстру или несколько неприятных дней.

Потому что однажды меня действительно не будет рядом. И тогда цена ошибки станет гораздо выше.

Глава 3. Обещал — делай

• • •

Есть одна вещь, которую я стараюсь очень аккуратно делать со своими детьми.

Обещать.

Потому что дети удивительно хорошо помнят обещания родителей. Особенно те, которые сам родитель давно забыл. Можно в понедельник между делом сказать:

— Макс, в субботу съездим туда.

Ты сказал это за рулём. Через три минуты забыл. Потом была работа, магазин, школа, ещё миллион дел.

Наступает суббота.

Ты просыпаешься и думаешь:

«Наконец-то выходной».

И тут в комнату заходит ребёнок:

— Пап, а во сколько мы едем?

— Куда?

И вот тут ты понимаешь.

Ты же обещал.

На улице дождь. Ты устал. Машина почти пустая. Тебе вообще никуда не хочется. Очень легко сказать:

— Макс, ну давай в другой раз.

Но есть проблема.

Я обещал.

Если моё слово ничего не стоит, то не стоит ожидать, что обещания детей будут ими соблюдаться. Я не могу вечером сказать:

— Ты же обещал убрать комнату!

и одновременно считать совершенно нормальным:

— Ну да, папа обещал, но папа устал.

Правила либо работают в обе стороны, либо это уже не правила. Это просто привилегия взрослого. Поэтому у меня довольно простой принцип:

Если обещал — выполняй.

Хоть метеориты падают.

Конечно, если выполнение обещания не стало опасным или действительно невозможным. Но «я устал», «мне уже не хочется», «давай лучше завтра» — это не невозможность. Это проблема человека, который вчера слишком легко дал обещание.

Не уверен?

Не обещай.

Можно сказать:

— Давай попробуем съездить в субботу.

Или:

— Если будет хорошая погода — поедем.

Или:

— Давай посмотрим, какие будут планы у Лизы. Если ничего не появится, съездим.

Это уже другие условия.

И ребёнок вполне способен понять разницу между «мы поедем» и «мы постараемся поехать». Главное, чтобы взрослый сам эту разницу соблюдал. Потому что иногда мы производим слово «обещаю» просто для того, чтобы ребёнок сейчас от нас отстал.

А расплачиваться за эту минуту спокойствия приходится потом. При этом обещание — не тюрьма. Предположим, наступила суббота, а я действительно очень устал. Я могу сказать:

— Макс, слушай. Я понимаю, что обещал. Но я сегодня совсем без сил. Давай попробуем договориться? Может, перенесём?

И дальше решение уже не только моё. Если Максим говорит:

— Да ладно, пап, давай завтра.

Прекрасно.

Мы передоговорились.

Но если он говорит:

— Нет. Я всю неделю ждал. Мы едем.

Значит, едем.

Я могу попросить его изменить договор. Но не могу самостоятельно объявить, что моего обещания больше не существует. Договор можно изменить. Но нельзя изменить его в одностороннем порядке. Это правило работает для всех.

И для ребёнка.

И для взрослого.

Предположим, теперь уже Максим говорит:

— Пап, можно сегодня два часа поиграть? Я потом уберу комнату.

— Точно?

— Обещаю.

Хорошо.

Два часа он получил.

Наступает вечер.

— Макс, комната.

— Пап, я устал. Давай завтра?

Можно.

Но теперь это уже новый договор. Потому что свою часть старого договора я выполнил. Два часа игры уже состоялись. Назад их не заберёшь. Поэтому я могу сказать:

— Хорошо. Переносим на завтра. Но тогда завтра убираешь свою комнату и помогаешь мне убрать офис.

— Почему?

Потому что он просит изменить условия уже после того, как вторая сторона выполнила свою часть. Хочет отсрочку — давайте договариваться о новых условиях.

Не подходят новые условия?

Ничего страшного.

Тогда остаются старые.

Комната сегодня.

Конечно, в жизни бывают обстоятельства, когда выполнение обещания действительно невозможно. Если у ребёнка температура под сорок, я не собираюсь стоять рядом и говорить:

— Ничего не знаю. Ты обещал убрать комнату.

Это уже не воспитание ответственности. Есть болезнь. Есть опасность. Есть обстоятельства, которые человек действительно не мог предусмотреть. Жизнь всегда сложнее одного правила. Но мне важно, чтобы ребёнок постепенно научился отличать настоящее обстоятельство от обычного:

«Мне сейчас не хочется».

Потому что во взрослой жизни огромное количество обещаний приходится выполнять именно тогда, когда их уже совершенно не хочется выполнять. А что происходит, если обещания не выполняются постоянно? Допустим, Максим говорит:

— Пап, купи мне конфету. Я обещаю, что потом буду хорошо себя вести.

Но до этого он уже несколько раз что-то обещал и не сделал. Тогда я могу сказать:
— Нет, Макс. Ты трепло. Я твоим обещаниям сейчас не верю.

Да, звучит неприятно.

И именно поэтому эта фраза работает. Я не хочу унижить ребёнка. Я хочу показать ему совершенно реальное последствие: его слово потеряло ценность. Он несколько раз сказал:

— Я сделаю.

И не сделал.

Потом снова:

— Обещаю.

И снова не сделал.

В какой-то момент окружающие совершенно естественно перестают верить. Не потому, что они плохие. А потому, что ребёнок сам научил их этому. Поэтому теперь:

— Купи мне конфету, а я потом буду хорошо себя вести.

— Нет. Сначала хорошо себя ведёшь — потом получаешь конфету.

Как говорится, утром деньги — вечером стулья.

Кредит доверия закончился.

Но это не пожизненный приговор. Я не собираюсь через десять лет говорить:

— А помнишь, в семь лет ты обещал убрать LEGO и не убрал?

Мне не нужна месть.

Мне нужно, чтобы ребёнок понял механизм доверия. Некоторое время его обещания просто перестают работать.

— Пап, я обещаю сделать.

— Не обещай. Сначала сделай.

Сделал?

Отлично.

Следующий раз опять сделал.

Потом ещё.

И постепенно происходит очень важная вещь. Я снова начинаю верить его словам. Потому что доверие можно потерять поступками. И поступками же его можно вернуть. На мой взгляд, ребёнку гораздо полезнее узнать об этом дома, чем впервые столкнуться с этим уже во взрослой жизни.

Есть ещё одна важная сторона обещания. Иногда своим обещанием ребёнок фактически передаёт другому человеку право на то, что раньше принадлежало ему. Например:

— Лиз, если ты сделаешь вот это, я отдам тебе эту игрушку.

Лиза согласилась.

Свою часть выполнила.

Максим берёт игрушку в руки и вдруг понимает:

— Нет. Я передумал. Она же моя.

Была его.

До договора.

Он сам предложил условия.

Другой человек поверил его словам и уже выполнил свою часть. Теперь поздно говорить:

— Но это моя собственность.

Он распорядился своей собственностью в тот момент, когда дал обещание. Если бы Лиза ещё ничего не сделала, можно было бы попробовать договориться:

— Слушай, я передумал. Давай отменим?

И она могла бы согласиться. Но если Максим уже получил то, ради чего заключал договор, ситуация совсем другая. Сначала получить свою часть, а потом отказаться отдавать чужую — нельзя. То же самое касается долгов.

Взял деньги — верни.

Допустим, Максим занял у Лизы 350 рублей и обещал вернуть первого числа. Первого числа приходит Максим:

— Лиз, слушай, у меня сейчас нет денег. Можно я верну позже?

Вот это уже просьба изменить существующий договор. Лиза совершенно спокойно может ответить:

— Хорошо. Давай перенесём. Но тогда за каждый просроченный месяц сумма увеличивается на 10 рублей.

Максим может согласиться.

Может отказаться.

Если отказывается, остаётся первоначальный договор: 350 рублей первого числа. Если соглашается, появляется новый договор. Вернул через месяц — 360 рублей.

Через два — 370.

Через три — 380.

И здесь нет никакого наказания, которое назначил папа. Один человек попросил изменить условия договора. Второй согласился, но предложил свои условия изменения. Обоих всё устроило. Перенос возможен. Но вторая сторона не обязана предоставлять его бесплатно. А вот другая ситуация внешне похожа, но устроена совершенно иначе.

Лиза приходит к Максиму:

— Макс, дай мне 300 рублей. Я через месяц верну.

Максим может сказать:

— Хорошо. Но через месяц вернёшь 330.

Здесь никакой просрочки ещё нет. Никто никакого договора не нарушил. Максим просто предложил деньги в долг на своих условиях. Лиза может согласиться:

— Хорошо.

А может сказать:

— Нет, слишком дорого.

И уйти.

Может попробовать поторговаться:

— Давай 310.

Может пойти к папе, маме или кому-нибудь ещё и спросить:

— А вы мне дадите 300 рублей?

Это её выбор.

Но если она согласилась взять 300 и вернуть 330, нельзя через месяц сказать:

— Вообще-то несправедливо. Мы же брат и сестра.

Это надо было обсуждать до того, как она взяла деньги. При этом я бы обязательно поговорил и с Максимом. Не запретил бы ему давать сестре деньги под процент, а спросил:

— Ты уверен, что тебе это выгодно?

Он может заработать 30 рублей.

Отлично.

Но теперь Лиза тоже знает правила игры. И когда через месяц уже Максим придёт к ней:

— Лиз, одолжи мне 500 рублей,

она вполне может ответить:

— Хорошо. Вернёшь 550.

И возмущаться будет довольно странно. Условия, которые человек считает справедливыми для других, однажды могут предложить ему самому. Поэтому перед любой сделкой полезно считать не только деньги. Иногда важнее подумать, какие отношения эта сделка создаёт. У нас однажды произошла история, которая мне особенно понравилась.

Максим о чём-то поспорил с бабушкой. Я об этом даже не знал. По условиям спора он выиграл сто рублей.

Честно выиграл.

Бабушка отдала деньги.

А потом Максим вернул их ей. Сказал примерно:

— Бабушка, ты и так мало зарабатываешь. Тебе эти деньги нужнее.

Ни я, ни мама его об этом не просили. Это было полностью его решение. И вот за такое я его только похвалю. Потому что он сначала получил право на эти деньги.

Они действительно стали его.

А потом сам решил отказаться от своего права. Это совсем не то же самое, что сказать ребёнку:

— Отдай деньги бабушке. Как тебе не стыдно!

В первом случае взрослый заставил. Во втором ребёнок сам посмотрел на другого человека и принял решение. Для меня второй вариант гораздо ценнее. Я вообще не хочу воспитать человека, который будет знать только одну фразу:

«Мне положено».

Да, нужно понимать, что человеку положено. Нужно уметь защищать свои права.

Нужно понимать договоры.

Нужно требовать выполнения обещаний.

Но иногда можно сказать:

— Ладно. Ничего мне не надо.

Можно простить долг.

Можно вернуть выигрыш.

Можно освободить человека от обещания. Можно согласиться перенести поездку, которую обещал папа. Но есть огромная разница между: «Меня заставили отказаться» и «Я имел право потребовать, но сам решил этого не делать». Во втором случае человек проявляет доброту не потому, что у него отобрали выбор.

Наоборот.

Он сначала получил выбор.

И только поэтому его поступок вообще можно назвать добрым. Наверное, поэтому я так серьёзно отношусь к обещаниям.

Сегодня цена слова маленькая.

Пообещал убрать комнату.

Пообещал отдать игрушку.

Пообещал вернуть 350 рублей.

Ничего катастрофического.

Но однажды другой человек скажет уже взрослому:

— Я на тебя рассчитываю.

И цена этих слов будет совсем другой. Там уже не будет папы, который напомним.

Не будет домашнего наказания.

Может вообще ничего не произойти. Человек просто посмотрит на уже взрослого и больше никогда не станет на него рассчитывать. И тот, возможно, даже не сразу поймёт, что потерял. Поэтому мне хочется, чтобы дети как можно раньше усвоили несколько простых вещей.

Не уверен — не обещай. Можно сказать:

— Постараюсь.

Неизвестно, получится ли, — нужно назвать условия. Например:

— Если будет хорошая погода.

Если хочется изменить договор — нужно поговорить со второй стороной. Получил что-то по договору — выполни свою часть. Не получается выполнить — не исчезай. Приди и попробуй передоговориться. А прежде чем произнести:

— Обещаю,

стоит подумать ещё раз.

Потому что до этой секунды решение принадлежало только одному человеку. Но если другой человек поверил слову и на основании него что-то сделал, всё изменилось. Теперь это слово принадлежит уже не только тому, кто его дал.

Глава 4. Это его игрушки

• • •

Есть фраза, которую взрослые произносят удивительно легко:

— Пока живёшь в моём доме, ничего твоего здесь нет.

Мне эта фраза никогда не нравилась. Потому что если у ребёнка действительно ничего своего нет, то как он вообще должен научиться распоряжаться собственностью? В какой момент это должно произойти? До восемнадцати лет:

— Это я тебе купил, поэтому это моё.

А в восемнадцать:

— Поздравляю. Теперь отвечай за свои деньги и имущество самостоятельно.

Так не работает.

Поэтому у нас дома есть довольно простой принцип: Если вещь принадлежит ребёнку — она принадлежит ребёнку. Даже если купил её я. Я подарил Максиму игрушку — всё.

Она больше не моя.

Я не могу через месяц сказать:

— Вообще-то я за неё заплатил, поэтому сейчас отдам её Лизе.

Нет.

Я за неё заплатил и подарил. С этого момента решение принимает Максим. Из этого иногда получаются ситуации, которые очень не нравятся взрослым. Например:

— Макс, дай Лизе поиграть.

— Нет.

И вот здесь очень хочется сказать:

— Не жадничай! Дай сестре!

Но почему?

Игрушка его?

Его.

Тогда у него должно существовать право сказать «нет». Иначе это какая-то странная собственность. «Это твоё, пока ты распоряжаешься этим так, как хочется мне».

Нет.

Я могу поговорить с Максимом.

— Смотри, Лиза очень хочет поиграть. Может, дашь ей на десять минут?

Могу объяснить:

— Когда тебе понадобится её игрушка, она тоже вспомнит, как ты с ней поступил.

Могу предложить обмен.

Могу попросить.

Но окончательное решение остаётся за владельцем. Потому что если ребёнок не имеет права отказать, значит, вещь на самом деле ему не принадлежит. При этом право собственности работает в обе стороны. Если Максим не обязан отдавать свою игрушку Лизе, то и Лиза не обязана отдавать свою игрушку Максиму.

И вот здесь начинается самое интересное. Потому что сегодня очень приятно сказать:

— Моё! Не дам!

А завтра ребёнок подходит к сестре:

— Лиз, дай мне вот это.

— Нет.

— ПАПА-А-А!

А что папа?

Вчера Максим сам установил прекрасное правило. Свои вещи можно не давать.

Оно работает.

Просто теперь оказалось, что правила иногда работают не только в ту сторону, в которую хотелось бы. И это, на мой взгляд, один из лучших способов чему-то научиться. Не потому, что папа прочитал лекцию о взаимопомощи.

А потому, что ребёнок сам почувствовал последствия выбранного им принципа. С деньгами у меня примерно такое же отношение. В какой-то момент у ребёнка появляются свои деньги.

Карманные.

Подаренные бабушкой.

Заработанные.

Выигранные в споре.

Неважно.

Если мы договорились, что это его деньги, я не могу каждый раз добавлять:

— Но тратить их можно только с моего разрешения.

Тогда это не его деньги. Это мои деньги на отдельном счёте с детским интерфейсом.

Конечно, я могу советовать.

И буду.

Ребёнок собирается купить откровенную ерунду? Скажу:

— Я бы не покупал.

Объясню почему.

Покажу альтернативу.

Предложу подумать до завтра.

Но если покупка безопасная, законная и не создаёт проблем другим людям, окончательное решение должно постепенно переходить к ребёнку. Иначе откуда возьмётся умение распоряжаться деньгами? Причём деньги у нас появляются довольно рано. Даже маленький ребёнок способен понять очень простую вещь:

деньги заканчиваются.

У Лизы есть 40 рублей. Она хочет игрушку за 50.

— Папа, купи!

— У тебя не хватает.

Это очень неприятное открытие.

Можно, конечно, просто добавить десять рублей.

Сумма смешная.

Для взрослого вообще незаметная.

Но тогда исчезает сама идея ограниченного ресурса. Поэтому иногда ответ будет:

— Нет. Денег не хватает.

И дальше ребёнок может расстроиться. Может даже устроить концерт посреди магазина. И здесь мне нравится один довольно глупый способ.

Я могу присоединиться.

— Лиза, я тоже хочу машину!

— Что?

— Вон ту. Очень хочу. Купи мне машину!

— Папа...

— Ну купи! Я хочу машину!

В какой-то момент ребёнок уже смотрит на папу как на ненормального.

И это прекрасно.

Потому что со стороны внезапно становится видно, насколько странно устроено требование: «Я очень хочу, значит, кто-то должен мне это купить».

Нет.

Я тоже много чего хочу. Просто денег на всё не хватает.

Так устроена жизнь.

Но если ребёнок хочет вещь, которая действительно для него важна, здесь уже можно работать. Допустим, у Лизы есть 40 рублей, а игрушка стоит 500. Можно сказать:

— Давай накопим половину.

250 рублей для ребёнка — уже серьёзная сумма.

И я могу помочь.

Не просто подарить оставшиеся деньги, а дать возможность заработать.

Помочь с бельём.

Разложить вещи.

Сделать какую-нибудь доступную по возрасту работу. За что-то получить десять рублей.

За что-то двадцать.

И я смотрю не только на сумму.

Мне важно увидеть усилие.

Ребёнок действительно месяц ходит мимо этой игрушки? Не потратил накопленные деньги на первую попавшуюся мелочь? Сам спрашивает:

— Пап, что я могу сделать?

Хорошо.

Когда он накопит свои 250 рублей, я могу добавить вторую половину. Потому что теперь это уже не:

— Папа, купи.

Это:

— Я хочу эту вещь настолько, что готов ради неё что-то делать и ждать.

Совсем другая история.

Причём после покупки может оказаться, что игрушка ужасная. Мы об этом уже говорили.

Что ж.

250 рублей собственных накоплений — довольно небольшая цена за такой урок. И вот здесь особенно важно не вернуть ребёнку деньги только потому, что ему стало жалко.

Можно посочувствовать.

Можно рассказать о собственной неудачной покупке.

Можно вместе погрустить.

Но деньги уже потрачены.

Сочувствие не обязано отменять последствия. Это вообще две разные вещи. Я могу сказать:

— Да, Лиз, очень обидно.

И одновременно:

— Нет, вторые 250 рублей я тебе не дам.

Одно другому совершенно не мешает. С возрастом система должна меняться. Если у трёхлетнего ребёнка есть несколько монет, понятно, что это ещё не полноценная финансовая самостоятельность. Но постепенно денег становится больше.

Появляются карманные деньги.

Появляется возможность заработать.

А вместе с ней — возможность принимать всё более серьёзные решения. И мне особенно нравится момент, когда ребёнок впервые начинает понимать: деньги — это не просто цифры. За ними стоит время. 250 рублей можно потратить за десять секунд.

Но если ребёнок зарабатывал их месяц, цена игрушки внезапно выглядит совсем иначе. У взрослого происходит то же самое.

Только цифры другие.

Есть ещё одна вещь, которую мне хочется дать детям вместе с деньгами.

Право договариваться.

Не только со мной.

Между собой.

Максим может сказать:

— Лиз, я дам тебе 50 рублей, если ты сделаешь вот это.

Лиза может согласиться.

Может отказаться.

Может сказать:

— За 50 не буду. За 100 буду.

И вот тут начинается маленькая экономика. Причём мне совершенно не обязательно вмешиваться в каждую их сделку.

Пусть торгуются.

Пусть ошибаются.

Пусть один раз заключат совершенно ужасный договор и потом поймут, что надо было сначала подумать.

Но есть важное условие.

Оба должны хотя бы примерно понимать, на что соглашаются. Если Максим пользуется тем, что Лиза ещё слишком маленькая и вообще не понимает цену сделки, я вмешаюсь. Не потому, что сделки между детьми запрещены. А потому, что договор имеет смысл только тогда, когда обе стороны способны понять его условия.

Нельзя научить ребёнка честной сделке, разрешая ему обманывать того, кто пока просто не способен разобраться. Но чем старше они становятся, тем меньше я должен вмешиваться. Потому что однажды мне хочется услышать из соседней комнаты:

— За пятьдесят.

— Нет, за сто.

— Семьдесят.

— Восемьдесят и шоколадка.

— Договорились.

И не знать вообще, о чём они там договорились. Если все довольны, никто никого не обманул, договор безопасен и они сами решили свою проблему — прекрасно. Я даже похвалю за находчивость. Потому что мне важен результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.